

Диван Булдаков

— Когда вас представляли в прежние времена, говорили: **Алексей Булдаков**, волосы русые, глаза зеленые, играет на гитаре и поет, работал в театрах Томска и Рязани, снялся в куче фильмов. Однако, несмотря на это, кое-какая известность пришла к вам лет десять назад, а уж о всамделишной популярности я так вообще молчу — сами знаете, когда она началась... Ну, знали некоторые, что вы боксом занимались, классической борьбой да футболом...

— По боксу у меня даже разряд есть — юношеский, третий (меньше просто не бывает. — *Авт.*)

— Жили-то вы в основном в провинции — приходилось пользоваться?

— Не-еет! Помните, у Высоцкого есть: «Я человека по лицу ударить с детства не могу».

— А на кой вам в таком случае понадобилось в секцию идти?

— Чисто юношеское желание. (*Булдаков вытаскивает перед собой руки и начинает как бы сжимать ими нечто гипотетическое.*) Становление мужчины идет как бы через... э-эээ...

— Физическую силу?

— Да-аа. Но по лицу — ни-ни. Я не кокетничаю, поверьте мне.

— Верю. Только не могу понять, как это может сочетаться.

— Да случайно все: я всегда обожал волейбол, играл за школьную команду, и как-то — я тогда учился классе в пятом — ко мне подошел тренер по боксу, предложил попробовать, и я не отказался...

— Били, судя по разряду, хорошо.

— Хорошо.

— Но разряд был, я подозреваю, и у других, а значит, доставалось и вам. Нос хотя бы раз ломали?

— Нет, слава Богу — умел защищаться.

— Если не ошибаюсь, все это должно было происходить в Павлодаре?

— Точно. А родился я на Урале.

— Довольно известный факт вашей биографии. Я только не знаю, почему вы оттуда уехали — отец вроде как не был военным?

— Он был — царствие ему небесное — обыкновенным шофером, мать — крестьянка. А что уехали — так тогда никаких границ не было.

— Пусть так. Однако даже в те времена появление, допустим, в классе чужака обычно встречалось не всегда, скажем мягко, приветливо.

— Тогда я — счастливое исключение. Проблем, с этим связанных, точно не было. Зато связанных с самим учением — сколько угодно. Мне, например, если что-то нравится и что-то надо сделать, могу сутками не спать, не есть, с головой погруженный в решение этой

проблемы. Но если не нравится — все бесполезно: я начинаю искать причины, как бы от этого отказаться, часто сам выдумываю их. Так было и со многими предметами: единственное, что я любил в школе, это география и история — их я просто обожал. Но если дело касалось русского языка, математики, тут все было напрасно.

— Видимо, не дано.

— Наверное. Мне кажется, что детей надо учить в большей степени тому, к чему у них есть талант...

— То есть, если бы такое могло иметь место в вашем случае, никто так и не узнал бы Булдакова-актера, зато в Академии наук был бы прекрасно известен Булдаков-историк?

— Вполне! Во всяком случае я историю до сих пор безумно люблю... Вот вы читали что-нибудь Немировича-Данченко?

— Признаться, немного — «Рождение театра», кое-какие письма...

— Да не того Немировича-Данченко, который с Константином Сергеевичем Станиславским, а другого — именно писателя... (По всей видимости, речь идет об одном из братьев создателя МХАТа Владимира Немировича-Данченко, Василии, после революции 1917 года покинувшем Россию. — *Авт.*)

— Другого — нет, не читал. И как он, на ваш взгляд, хорошо писал?

— Я не могу сказать... Но мне кажется, таких писателей обязательно надо издавать, потому что это чисто российское, национальное, грубо говоря, состояние души...

— Вот ведь как... Но мы с вами что-то отвлеклись. Если не ошибаюсь, после школы вы попали в павлодарскую драматическую студию, хотя в основном интерес у вас были не слишком театральные.

— Да не в основном, а вообще не театральные — никакого отношения ни я, ни предки мои к культуре и искусству не имели. Все были крестьяне. А я до восьмого класса мечтал быть летчиком — строил авиамодели, сам запускал их, и вопрос моей будущей профессии в семье уже был решен. Но в восьмом классе я как-то заскочил в кинотеатр, где шла «Большая жизнь» с Алейниковым. А выйдя оттуда, сказал себе: буду артистом!

— Одно дело сказать, совсем другое...

— Нет, не в смысле, что прямо завтра стану, а так — на будущее... Постепенно я забросил все мечты об авиации, хотя до сих пор, по правде говоря, когда вижу самолет, меня аж... (*Булдаков в сердцах машет рукой и делает совсем уж грустное выражение лица.*)

Снимаясь в «Особенностях национальной охоты», Булдаков страшно страдал: завезли его, бедолагу, под Приозерск, что в 145 километрах от Питера, и поселили в пионерском лагере. На улице — чуть ли не заморозки, в комнатах — еще хуже: корпуса рассчитаны на лето, и потому ощущение было, что в помещении даже холоднее, нежели на свежем воздухе. Приходилось согреться любимым в народе средством. «А что было делать?» — вспоминает сегодня Булдаков. Впрочем, если вы подумали, что разговор, опубликованный ниже, на добрую половину состоит из рассуждений о водке и ее пользы либо вреда, то ошибаетесь на все сто — о выпивке нет и полслова. Намеренно. Ибо получил человек «Нику» за лучшую мужскую роль, а не приз от общества поклонников таланта Венедикта Ерофеева. И хотя сегодня многие сомневаются — заслуженно ли (лично мне представляется, что Евгению Миронову за фильм «Мусульманин», конечно, тоже могли дать такую симпатичную статуэтку), но ведь Жена «Нику» в 1995 году уже получила — за лучшую роль в «Лимите»...

— И что, могли бы бросить все, что у вас есть сегодня, ради того, чтобы стать летчиком? — возвращая к его на землю. Булдаков заметно оживает:

— Нет, нет. Актерство уже вошло в кровь.

— Но в свое время в крови было другое, однако вы смогли каким-то хитрым способом это вытравить, первый раз войдя в актерскую студию. Кстати, как это получилось?

— Опять же случайно.

— И что вы читали на экзаменах?

— Ну, как...

— Басни, очевидно, стишки там всякие?

— Естественно. Но что это было — уже не помню.

— По крайней мере, как приняли-то хоть, помните?

— А то! Первый тур я прошел, все документы сдал, а фотографий не было. Для меня это было что-то — как это можно без фотографий?! И я пошел забирать документы...

— А, извините, не легче ли было бы пойти в ателье, где бы вам без всяких трудов нашьепали хоть тысячу опечатков?

— Да я в то время еще ребенком был... Короче, являюсь я чуть не плача и попадаюсь на глаза буду-

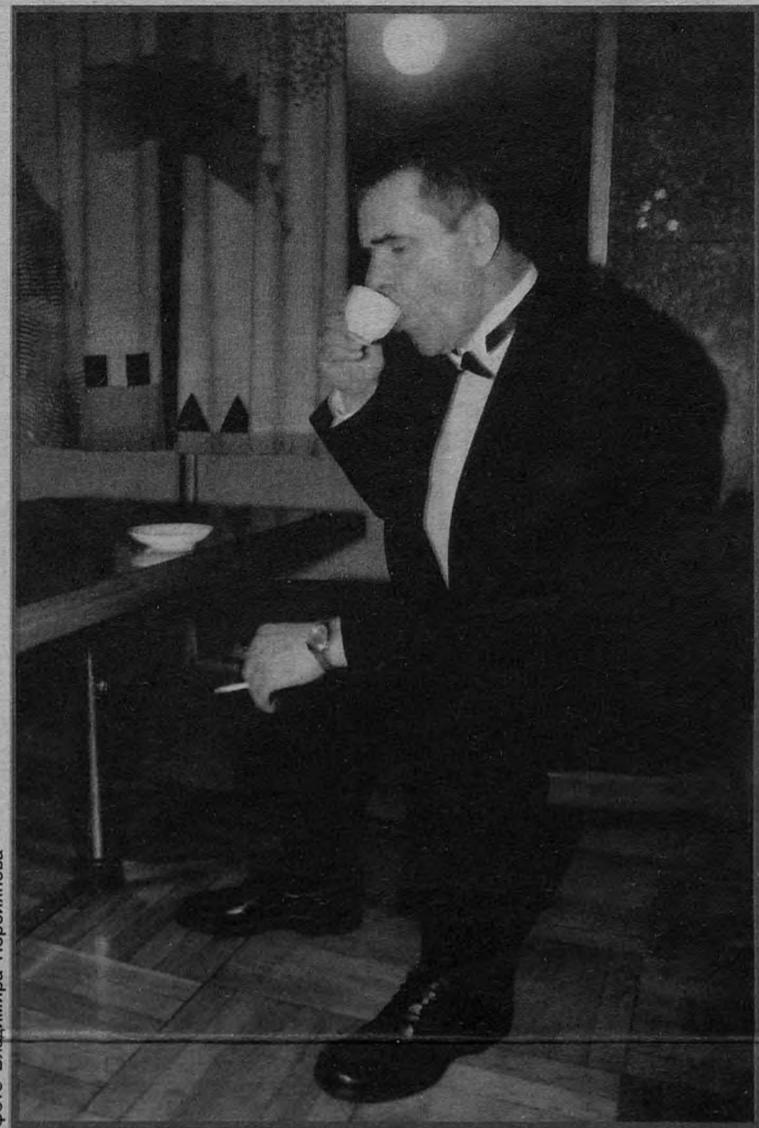

фото Владимира Персиянова

щему преподавателю. «Булдаков, — говорит он, — почему это ты на второй тур не идешь?» Я начинаю что-то мямлить про отсутствующие фото, что-де я ко второму туру никакого отношения не имею, ибо собираюсь уходить. Так он меня прямо-таки погнал на экзамены. Я вхожу, сидят артисты, я перетрухал, и у меня еще больше сел голос. Курите? — спрашивают меня они. Ну, отвечаю, балуюсь слегка. Тогда мне предложили попить водички, но оказалось, что все стаканы уже заняты. Взял я графин, запрокинул голову и выпил его чуть не целиком. Народ, естественно, обалдел, но меня все же приняли...

— Скажите, а вы до этого эпизода сколько раз бывали в театре? Или в Павлодаре его вообще не было?

— Да что вы — театр гремел на весь Союз!!! Из периферийных он был самым мощным!!! (*Булдаков повторяет эти предложения в тех или иных вариациях раз десять, не меньше, но на вопрос, был ли он в этом гремящем на весь Союз месте хотя бы раз до поступления в студию, так и не отвечает.*)

— Хорошо. Скажите по крайней мере, какова была ваша первая роль.

— Я изображал диван — на мне сидели главные действующие лица.

— Жуть!

— А что делать? Это же был мой первый выход на сцену — я волновался невероятно, потел... Ну кто там мог меня увидеть?!

— Именно! Вот когда я первый раз выходил на сцену, то изображал корову... Отвернувшись от зрителей, я жутко переживал, что все наверняка смотрят исключительно на меня. И боялся просто панически...

— Во-во! Один к одному. Мой знакомый режиссер рассказывал, что тоже хотел быть артистом...

— В отличие от него вы все-таки артистом стали, причем не самым плохим. Но в то время, когда вы играли диван, березки или зайчиков, вы, полагаю, руку на сердце, могли себе представить, что рано или поздно из всего этого выйдет хоть какой-то толк, что в определенный момент даже станете одним из самых популярных актеров, получите какой-то кинематографичес-

кий приз, наконец? Или тогда вы собирались играть в свое удовольствие? — Скорее, действительно — для себя в большей степени. У меня все-таки 60 фильмов, причем половина — это главные роли. Вы видели меня раньше?

— Да я-то видел. Просто фильмы не становились хитами, отсюда и все проблемы.

— Правильно. Хотя я и не могу сказать, что до «Особенностей национальной охоты» я не был известен... Люди подходили, говорили, что они меня уже давно знают и любят, вот только фамилию никак припомнить не могут... Я как-то даже пожаловался Наталье Гвоздиковой: мол, что ж это, блин, такое?! Шестидесят ролей, а не просто эпизодиков, но про них даже не вспоминают. А она мне говорит: Алексей, да ничего удивительного — Кузнецов до сих пор ассоциируется с Суховым, Демьяненко с Шуриком, все, старик, ты уже от этого не избавишься... Я, конечно, стал хорохориться, что, дескать, нет, надо уходить от этого, а Наталья мне: бесполезно!

— Учитывая, что сейчас появилось нечто вроде продолжения «Особенностей...» под названием «Операция «С Новым годом!», ваше желание «уйти от этого» выглядит по меньшей мере странно...

— Но это ж не комедия никакая, а драма, даже больше трагедия.

— Я не о жанре, а о генеральском имидже...

— Я уже не могу от этого отойти... — Понятно: конъюнктура. Зато денег больше...

— Минуточку! Не в этом дело, просто невозможно перестать быть генералом — надо хотя бы сделать триптих, что ли.

— Так, значит, все-таки будет и еще одно продолжение?

— Зробим!

— Це бардзо добже. Непонятно только, насколько добже получилась у вас вторая часть. Как она вам?

— Не знаю!

— Здравствте! Еще скажите, что не видели фильма.

— Видел. Но сказать ничего не могу...

Кирилл ЛИТМАНОВ.

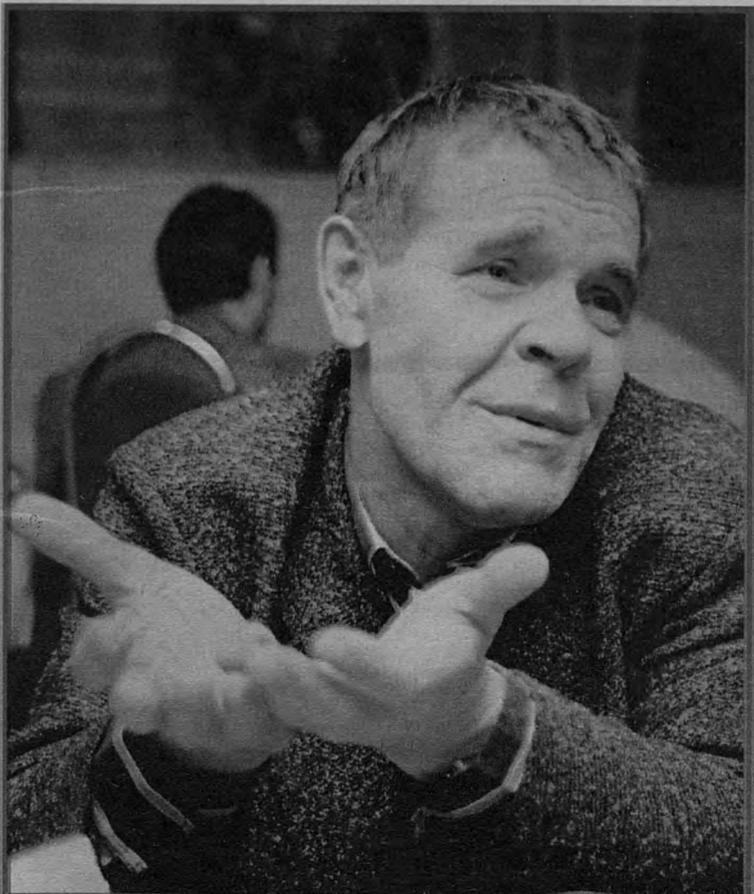

фото Якова Титова